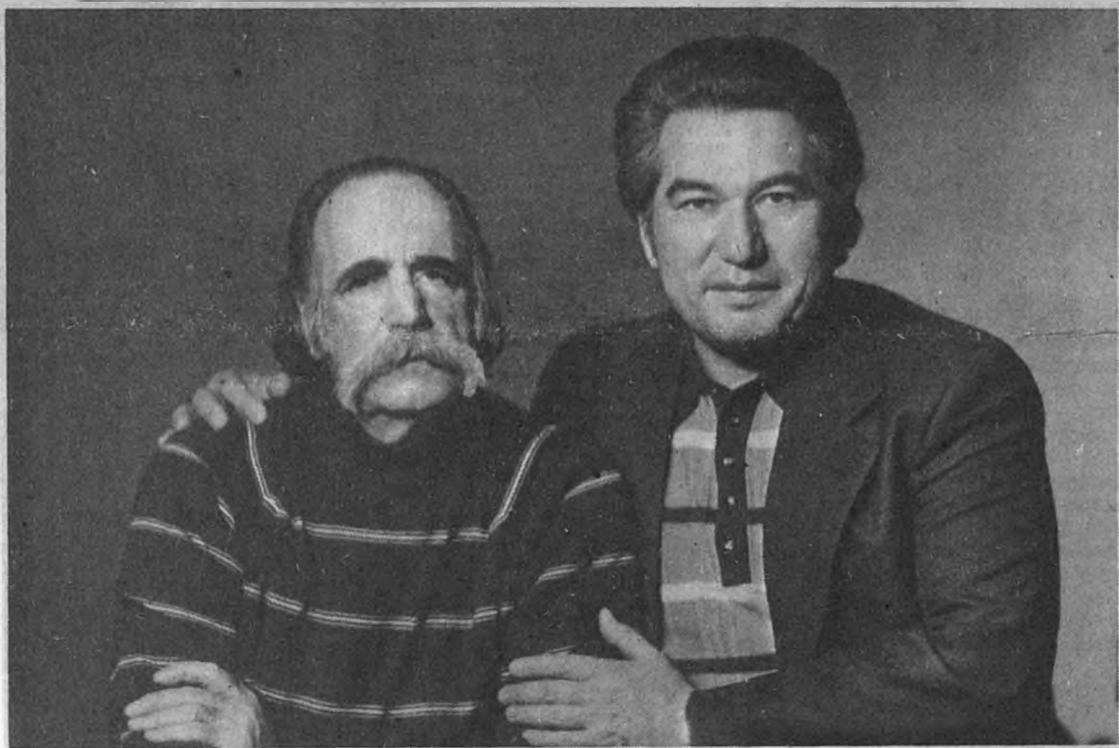

29 августа 1982 г.

НАШ ДРУГ Чингиз Айтматов

В АРМЕНИИ гостит Чингиз Айтматов. Эти несколько страниц написаны по случаю его приезда. В 1976 году в Москве Уильям Сароян познакомился с Айтматовым.

— История мальчика, который думает о Белом пароходе, там его отец,—говорит Сароян.— это я люблю. Надо найти «Белый пароход» на английском языке. Я хочу иметь эту книгу... Айтматову я рад особенно, потому что это—большой писатель небольшого народа. Я читал его и полюбил то, что он пишет. Теперь познакомился с ним и полюбил его самого.

Сароян интересуется, какой у киргизов алфавит, какой у них язык. Айтматов показал ему несколько книг на киргизском языке и в том числе—сборник стихов Аликула Осмонова. Сароян просит почитать одно из стихотворений Осмонова.

— Понять не поймешь, но вкус языка можно почувствовать,—замечает Сароян.

Еще дважды Сароян встречался с Айтматовым. Один раз случайно на Красной площади. И в другой раз—в номере гостиницы «Националь». Сароян давал интервью корреспонденту Московского радио. Айтматов предварил интервью словом о Сарояне. Он, в частности, сказал:

— Сарояном гордятся любители и знатоки большой и честной литературы. И я был счастлив встретить любимого писателя. Он идет по Москве в окружении моих армянских друзей и громко говорит на языке своих родителей—армян. Фотографировались.

— Я хочу, чтобы на карточке видны были руки. Руки—как лицо человека,—говорит Сароян. И пока фотограф рассаживал нас, наводил аппарат на резкость, включал и выключал освещение, Сароян запел. Он пел армянскую народную песню.

— Пусть и Айтматов споет киргизскую песню,—предлагает Сароян. И Айтматов поет. Знаясь, они тихо поют. Жаль, фотограф не снял их поющими.

В Москве, в Центральном доме литераторов, отмечали юбилей Сильвы Капутикян. Была переводчица из Осло Элеонор Колстад. Элеонор удивлялась тому, как произносят тосты:

— В Норвегии этого нет. Норвежцы говорят одно слово «ск ол» и пьют.

Присутствовавший на юбилее Чингиз Айтматов стал уверять Элеонор, что у нас всегда такие обычаи, что армяне и киргизы очень близки—киргизы говорят по-армянски, а армяне—по-киргизски. Айтматов знал, что я могу понять кое-что по-киргизски, так как чужного владею турецким. Он заговорил со мной по-киргизски, сказал, что Элеонор перевела «Белый пароход», перевела «Буйволлицу» Гранта Матезосяна, что она хорошо знает Сильву Капутикян и дружит в Москве с близкой Сильвиной подругой. Я тут же все это перевел на русский.

Элеонор была удивлена. А когда спели армянскую народную песню «Сирунер, мик нехана...», Айтматов по одной фразе, которую я ему перевел («Не обижайтесь, красавицы, я вновь и вновь славлю свою любимую...»), догадался, о чем песня, и произнес тост: — Вот сейчас здесь спели армянскую песню:

Красавицы, вы прекрасны,
Но не обижайтесь,
Что я пою свою любимую—
Она лучше всех.
Красавицы, вы ярче солнца,
Но не обижайтесь,
Что я пою свою любимую—
Она лучше всех.
Красавицы—поэтессы,
Вы—чудо, и ваши песни —

чудо,
Но я пою Сильву
Капутикян, —
Она лучше всех.
Не обижайтесь, —
Сильва лучше всех!..

Айтматов импровизировал в духе армянской народной песни. Его взволновала в исполнении Меланьи Абовян песня армянских скитальцев «Крунк» («Журавль»).

— Армянское крунк — это от журавлиного кру-кру, да? — спросил Айтматов.

— Когда будете праздновать тысячелетний юбилей Григора Нарекаци, не забудьте меня пригласить, — добавил он.

Григор Нарекаци — эта тема особенно волнует Айтматова. В феврале 1978 года он писал: «Не думай, дорогой Левон, что я попусту тратил время—я читал «Книгу скорби» и пытался сохранить себя от полного разгрома перед лицом непрекаемого Нарекаци. Твой самоуверенный современник, Левон дорогой, был неспровергнут в бездны тревог и сомнений, а его самодовольная эпоха псказлась ему очень недалеко. Для нас Нарекаци «страшен» своим немислимывм максимализмом, нечеловеческой способностью подвергать себя безжалостному суду высшей и вечной инстанции—суду совести, ответственности перед Богом.

Да, Бог существует в том смысле, что это есть творение человека, его голодного разума и духа, которое, обрета черты суверенного объекта, вступило в обратную связь с нами, возымело силу, будучи порожденной вечной неудовлетворенностью и вечным стремлением человека к совершенству. Такой Бог необходим, и потому он существует. В этом понимании — Нарекаци мыслитель и мученик от Бога, ниспосланный на наши грешные головы.

Я не знаю, как тебя благодарить, Левон, за то, что ты прислал мне эту книгу».

Айтматов писал о Григоре Нарекаци и в небольшом предисловии к переводу на армянский язык повести «Пегий пес, бегущий краем моря». (Замечу, кстати, что переводит Айтматова на армянский язык Софи Авакян.—ее работа отмечена высокой культурой письма и глубоким постижением текста).

И здесь, в предисловии к своей повести, Айтматов говорит о том, что Нарекаци с его «Книгой скорби» ко многому обязывает современных писателей, и прежде всего обязывает его, Айтматова: «Если тысячу лет назад люди могли так мыслить, страдать и возвышаться духом, мучительно пытаясь постичь сущность человека, то не слишком ли мы, жители XX века, высокого мчения о собственных персонах? Мне думается, никакого самодовольства на этот счет от того, что мы живем в век атома и космонавтики, мы не смеем испытывать».

Чтобы достигнуть такого нравственного максимализма, которого достиг армянский поэт X века Нарекаци, мало быть творческим научно-технической революции, и тем более потребителями ее благ, надо суметь еще взглянуть в себя всевидящим взором, каким обладал Нарекаци, чтобы сказать себе, насколько ты есть человек, эволюционировавший к добру; надо суметь еще прибавить к опыту эпохи Нарекаци и свой не менее значительный опыт. А это трудно.

Думается, не случайно, в предисловии к армянскому изданию повести «Пегий пес, бегущий краем моря» Айтматов вспомнил Григора Нарекаци. Повесть о нивхских морских охотниках и рыбаках впечатляет прежде всего уроками высокой нравственности, высокой культуры поведения...

Здесь нет конкретных примет времени. О времени можно догадываться по винчестеру, охотничьим ружьям нивхских рыбаков (их начали производить в середине XIX века). Айтматов хотел, очевидно, сказать о человеческом в человеке безотносительно к тому, как по-своему наполняет это понятие—человеческое в человеке—среда и время. Он написал о том, что в человеке было всегда, что делало человека человеком во все времена. Такая неконкретность имеет, как я думаю, еще и другое назначение — легко усматривается в тексте повести (я здесь намеренно избегаю слова под-текст) урок людям сегодняшнего дня.

В «Книге скорби» Григора Нарекаци Айтматов нашел эпиграф к новой своей повести «И дольше века длится день...». «И книга эта вместо моего тела, И слово это вместо души моей». Этим двустичием Нарекаци Айтматов подчеркнул, какое значение он придает новой своей книге, что она для него значит. И теперь, когда полностью стала достоянием миллионов читателей (повесть уже переведена на многие языки мира) стало ясно, что и для нас, читателей Айтматова, эта его книга («И дольше века длится день...») — книга заветная. Воистину «И книга эта вместо моего тела, И слово это вместо души моей».

Левон МКРТЧЯН.